

Л. И. Ивина

«РАБОТАЮ, ПОКА ЕСТЬ СИЛЫ...»:

А. А. ЗИМИН В ЕГО ПИСЬМАХ ДРУЗЬЯМ

(Из переписки А. А. Зимина с Л. И. Ивиной и А. Н. Цамутали)

Александр Александрович Зимин, со дня кончины которого прошло почти 25 лет,¹ в моей памяти остался не только как выдающийся ученый и неординарный человек, но прежде всего как внимательный и заботливый учитель, добрый и сердечный друг. А. А. Зимина я узнала еще в бытность студенткой первого курса Московского историко-архивного института (МГИАИ). Под его руководством я писала сначала курсовую, а затем и дипломную работу. Благодаря его хлопотам я была в 1958 г. принята на работу в Институт истории АН СССР, где стала участвовать в подготовке к изданию «Актów Русского государства».

В 1963 г. я познакомилась А. А. Зимина с Алексеем Николаевичем Цамутали, за которого вышла замуж. При первом знакомстве несколько настороженное отношение к Алексею Николаевичу сменилось затем у А. А. Зимина на искренне доброжелательное, которое и сохранилось до конца его жизни.

В июне 1965 г. у нас родилась дочь, а в декабре того же года я переехала в Ленинград. Переезд в Ленинград и перевод на работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР оказались сопряжены для нас с большими трудностями и переживаниями. А. А. Зимин был в числе тех, кто очень нам сочувствовал и всячески старался подбодрить и поддержать. Дружеские отношения с ним не только не прервались, но и стали еще более сердечными. Бывая в Москве, мы навещали Александра Александровича, встречали его в Институте истории. Несколько раз, пока ему это позволяло здоровье, он приезжал в Ленинград на научные конференции и защиту диссертаций. Мы часто разговаривали с ним по телефону. Реже писали друг другу письма. 22 письма, написанных А. А. Зиминим, у нас сохранились.

Письма Александра Александровича в значительной части носили деловой характер, содержали просьбы о наведении справок в архивах и библиотеках. Вместе с тем в них были не только сведения о нем самом и его семье, но и представляющие интерес, хотя и краткие, суждения о событиях в научной жизни и нашей работе.

Первое из сохранившихся писем А. А. Зимина адресовано в поселок Парголово, расположенный вблизи Ленинграда, где мы снимали на лето дачу. Полученное 30 июля 1966 г., оно было ответом на мое письмо. Александр Александрович писал, что «рад доброму письму» и продолжал: «Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, как будто жизнь у вас входит в колею. Это уже хорошо. Трудитесь, деточка, и на научном поприще! У вас ведь работа в значительной части сделана». Он имел в виду мои занятия историей землевладения московского Симонова монастыря, начало которым было положено еще во время учебы в МГИАИ, где на эту тему я защитила дипломную работу. В первый год работы в ЛОИИ мне приходилось описывать документы из фондов архива ЛОИИ. В нерабочее время я продолжала заниматься Симоновым монастырем. Это было нелегко, и поэтому поддержка со стороны А. А. Зимина имела для меня очень большое значение.

В письме, на которое отвечал Александр Александрович, я, по-видимому, что-то писала об оживленных спорах, касавшихся природы черносошного землевладения, происходивших на заседаниях и в секторе истории СССР периода феодализма в ЛОИИ, и на кафедре истории СССР на историческом факультете Ленинградского университета. В этих спорах участвовали А. Л. Шапиро, Н. Е. Носов, ученики И. И. Смирнова А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев.² А. А. Зимин свое отношение к этой дискуссии выразил кратко: «В споре Черепнин–Смирнов я занимаю особую позицию: по-моему, речь идет о словах, а не о существе дела. А раз так, мне на это дело наплевать».

А. А. Зимин, занятый в середине 1960-х гг. подготовкой второго тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»,³ в которой он был автором нескольких глав и членом редколлегии, тем не менее продолжал свои изыскания, касавшиеся «Слова о полку Игореве». «Я весь в хлопотах, — писал он. — Сижу над вышедшими сборниками ленинградцев о Слове и издаваюсь над коллегами Д. С. Л[ихаче]ва».⁴ Уведомлял он и о том, что «в № 2 „Рус[ской] лит[ературы]”» вышла его «первая статья по Слову»⁵ и добавлял: «При случае можете заглянуть. Забавно». Упомянул Александр Александрович и о семейных заботах: «У нас сейчас страдная пора. Наташа готовится в Архивный ин[ститу]т. Конкурс огромный, и чем кончится эта афера, пока неясно». Наталия Александровна Зимина (в замужестве — Козлова) поступила в МГИИИ, а затем стала успешно в нем преподавать. Сообщал об общих знакомых: «[С. М.] Каштанова давно не видел — он на даче». Несмотря на неважное здоровье, в 1960-е гг. А. А. Зимин еще совершал длительные поездки в дни отпуска. «Ездил в Соловки на экскурсию — опять хорошо», — писал он на этот раз. Письмо завершалось сообщением о предстоящей поездке в Ленинград «где-то около октября с. г.» в связи с защитой кандидатской диссертации И. Я. Фрояновым «Зависимое население на Руси IX–XII вв. (Челядь, холопы, данники, смерды)». Александр Александрович писал, что живет на даче, «все там же, в деревне», но раз в неделю бывает в Москве «по текущим заботам дома». Среди прочих забот — помимо внучки и сына Сережи — кот Марсик, которого надо кормить. О себе сообщал: «Чувствую себя как будто лучше, но не то, чтоб очень хорошо, мог бы летом чувствовать и лучше. Заниматься ничем не занимаюсь».

Возвращаясь к институтским делам, А. А. Зимин отмечал, что «в институте сейчас летний передых». «Все отдыхают, — писал он. — Ася [А. Л. Хорошкевич] провела месяц с родными в Прибалтике. Вернулась полная энергии и запаса солнца. [Е. П.] Маматова — в Крыму, [С. М.] Кашт[анов] — в Москве...». Понимая, что неизбежны перемены, и задумываясь над тем, «что будет осенью», приходил к выводу: «сказать трудно», после слов: «Я думаю, что затишье перед бурей», он заключал: «Хотя сам директор [А. Л. Нарочницкий] и не склонен обострять ситуацию, но ведь дело зависит не от него. [В. И.] Бовыкин же стремится укрепить свое положение наверху. Создана комиссия по сектору по империализму ([В. С.] Васюкова будут менять, но кем?), копают [В. И.] Б[овыкин] и против [Н. И.] Павленко. ([Л. Г.] Бескровный предлагает создать 2 сектора по источ[никоведению]: досов[етский] и сов[етский]). Словом цыплят считают по осени...». Одним из поводов для освобождения П. В. Волобуева в 1974 г. от обязанностей директора были адресованные ему упреки в защите работавших в секторе истории СССР периода капитализма А. Я. Авреха, К. Н. Тарновского и др. В одном из писем Александр Александрович сообщал: «Н. И. Казаков сделал доклад о междуцарствии (перед 14 декабря 1825 г.), где выдвигал какие-то новые соображения о роли [вдовствующей]

щей императрицы] Марии Фед[оровны] как сторонницы Константина». Н. И. Казаков был не только сослуживцем, но и близким другом А. А. Зимина. Их сближало и то, что друзьями были их отцы, и то, что Н. И. Казаков, большой знаток истории России XIX в., не раз выступал с докладами, выходящими за рамки положений, считавшихся «обще-принятыми» и «устоявшимися», особенно по истории Отечественной войны 1812 г., истории декабристов, полемики славянофилов и западников.

В декабре 1969 г. А. А. Зимин приехал в Ленинград и присутствовал на заседании Ученого совета ЛОИИ, на котором состоялась защита моей диссертации «Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. По материалам московского Симонова монастыря». Официальными оппонентами были Л. В. Черепнин, приехавший из Москвы, и А. И. Копанев. Отзыв ведущего учреждения — кафедры истории СССР исторического факультета Ленинградского университета был подготовлен В. В. Мавродиным. Вскоре от Александра Александровича пришло поздравление с наступающим 1970 годом. В 1970-е гг. он стал чаще писать нам письма.

В письме, отправленном из Москвы 29 ноября 1973 г. и полученном в Ленинграде 30 ноября, содержалась просьба снять копии со списка послания Курбского, хранящегося в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки. Указав шифр списка, А. А. Зимин писал, что «это все», что ему «необходимо, если не для счастья, то для работы». О себе и о близких несколько коротких фраз, из которых первая: «Мы хвораем».

18 июля 1974 г. на наш дачный адрес в Парголово пришло письмо: «Лето в полном разгаре, — писал Александр Александрович и продолжал: — 2 июля утвердили на секторе мою работу о Вол[околамском] м[онасты]ре. Выступали [С. М.] Кашт[анов], В. Б. Кобрин, М. [Е.] Бычкова и Е. Н. Кушева. Прошло все очень спокойно. Несколько раз вспоминали Милочку (предлагали учесть ее работу, как параллель)». В последней фразе идет речь об упомянутой выше моей кандидатской диссертации о Симонове монастыре. Имея в виду то, что в 1973 г. рукопись диссертации еще не была опубликована, и А. А. Зимин заботился о судьбе моей работы: «В историографии-то я, конечно, сослался в общей форме, а на рукопись как-то неудобно. Как у Вас дело с перспективой издания? М. б., если с книгой туго, еще статью издать в „Истор[ических] записках“?». Зная, что я начала работу над новой книгой по истории монастырской колонизации, он писал: «О работе над северными монастырями надо поговорить подробно. Вообще-то нужно было бы сделать доклад на Агр[арном] симпозиуме и связаться с П. [А.] Колесниковым и Вологдой. П. А. [Колесников] дядька хороший и любит науку».

А. А. Зимин выразил свое отношение и к состоявшейся защите докторской диссертации «История крестьян русского Севера в XVI в.»⁶ А. И. Копаневым: «О защите А. И. К[опанева] я тоже кое-что слышал. Очень рад за него, что все кончилось благополучно. Работа, конечно, превосходная, но (и) вместе с тем копаневская. Это гимн (как А. И. Клиб[анов] сказал бы „крестьянская утопия“) его дедам и прадедам. Земной поклон от благодарного потомка. А отсюда и многие положительные и отрицательные стороны. Восторги не всегда проистекают из реальных данных. Очень уж все умиленно. Копанев образца 74 не тот ученик И. И. Смирнова, которым он был на рубеже 50–52. Взгляды его резко изменились, а он „по скромности“ умолчал об этом». А. А. Зимин всегда с большим уважением, более того, искренне по-дружески относился к

А. И. Копаневу. Вместе с тем, как видим, он находил у него, выходца из крестьян, всегда об этом помнившего и этим гордившегося, некоторую идеализацию крестьянства.

Перед новым 1975 годом пришло поздравление от А. А. и В. Г. Зиминных на открытке с изображением Спасо-Преображенского и Никольского соборов Соловецкого монастыря.

В середине 1970-х гг. А. А. Зимин загорелся желанием написать книгу о своем предке по материнской линии фельдмаршале М. Ф. Каменском, роде Каменских и их родне. В письме, полученном нами 3 июля 1975 г. и отправленном из Москвы 1 июля, Александр Александрович просил разыскать в архиве ЛОИИ письмо М. Ф. Каменского «повидимому 1784 г.». Судя по заметкам, сделанным мною, кое-что удалось найти в коллекциях Н. И. Шенига и Г. А. Потемкина.

Также он спрашивал, «нельзя ли узнать название книги о ленингр[адской] губ[ернской] парт[ийной] организации в начале 20-х-гг., вышедшей лет пять назад».

Краткая фраза касалась домашних дел: «У нас особых перемен нет». Далее шла речь о работе в Институте истории СССР АН СССР: «Утрясли с [И. А.] Булыгиным и Сережей [С. М. Каштановым] предисловие к Актам. Много работаю». А. А. Зимин и другие коллеги держали меня в курсе дел с состоянием затянувшейся работы над «Актами Русского государства», в которой я продолжала принимать участие и после перевода на работу в ЛОИИ. В конце письма были вопросы: «А как Ваши дела? Как Лешина книга?». Последний вопрос касался плановой монографии А. Н. Цамутали «Борьба течений в русской историографии второй половины XIX в.». Помимо того что Александр Александрович интересовался содержанием этой книги, поскольку сам много занимался русской историографией, его беспокоила и ее судьба. Дело в том, что пришедший в 1974 г. на смену попавшему в опалу П. В. Волобуеву новый директор А. Л. Нарочницкий подчеркнуто демонстрировал борьбу с любыми проявлениями отступлений от марксизма-ленинизма. Объектом его повышенного внимания стали работы, как тех, кто работал в Москве (А. Я. Аврех, К. Н. Тарновский и др.), так и научных сотрудников в ЛОИИ. А. Л. Нарочницкий ввел практику «дополнительного рецензирования», предусматривавшую рецензирование в Москве уже принятых в издательство «Наука» рукописей, а иногда и корректурных листов. В результате уже готовые работы застревают, побывав в руках порой нескольких рецензентов. Рекорд был поставлен многократным рецензированием книги О. Н. Знаменского «Всероссийское Учредительное собрание».

Примерно через три недели 25 июля 1975 г. мы получили письмо от А. А. Зимина, который благодарил за сведения о «документах из ф[онда] Потемкина», но добавлял, что они ему «пока не нужны». «По Вашим данным, Милочка, мне все ясно», — писал он. О своих изысканиях, связанных с родом Каменских, сообщал: «Как Вы поняли, я увлечен своей работой безумно. Находки очень интересны (семейный архив XVIII в. с письмами — ок[оло] 100 шт[ук] — героев), а также еще один архив, более поздний, не менее интересный — о нем при встрече».

Объяснял А. А. Зимин и свой интерес к книге о ленинградской партийной организации. «Мария Николаевна Мино (она меня интересуется, как и отчасти ее муж В. П. Оборин) рассказывала, что она де видела книжку на эту тему. Но, конечно, могла перепутать (ей около 80-ти лет)... М. Н. Мино я повидаю (она живет под Москвой). Интересует персонально она в нач[але] 20-х гг. в Петрограде. Во всяком случае до 1928 г. Но дело деликатное. Дальнейшая ее судьба сложна. Да и прямого отношения она к моей теме не имеет».

После фразы: «У нас особых новостей нет» А. А. писал: «Акты как будто сдали. Никаких „скандалов” в последние дни (после «разговоров» по предисловию) не было». «Акты Русского государства 1505–1526 гг.»⁷ в том же году вышли в свет. А. А. Зимин продолжал интересоваться рукописью книги Алексея Николаевича, находившейся в Ленинградском отделении издательства «Наука»: «Что слышно с Лешиной книжкой? Послали ли ее на рецензию?».

Во второй половине 1970-х гг. здоровье А. А. Зимина заметно ухудшилось. В осенние месяцы он стал проводить время в Крыму в поселке Форос. Письмо, отправленное из Фороса 27 ноября 1976 г., было получено в Ленинграде 1 декабря. Это был ответ на мое письмо. «Спасибо за доброе письмо», — писал Александр Александрович, радуясь тому, что погода «этот месяц была прекрасная». В Крыму он был особенно доволен, получая письма от родных и друзей. «Мне так было хорошо, когда я слышал Ваш живой голос в письме, хотя новости были и невеселые». Среди последних, видимо, были известия о том, что рукопись книги А. Н. Цамутали «Борьба течений...» таки стала объектом «дополнительного рецензирования». Сочувствуя ему, А. А. Зимин делился своими мыслями о предмете исследования: «Алешина тема меня очень волнует — 30–90-е гг. XIX в. в общественной мысли и исторической науке для меня дороги. Тут много и загадочного (возникновение сл[авянофилов] и зап[адников]; роль в становлении [М. Т.] Каченовского Николая I и ответ на декабристскую идеологию и многое другое)».

На риторический вопрос: «Что сказать о себе?», А. А. Зимин отвечал: «Барахтаюсь. Дней восемь те нормальная, но легкие все в мокроте. Тяжело. Состояние как у боксера, которого измутили. Слабость. Лечусь всеми силами, гуляю и пр.».

А. А. Зимин, как видно из письма, не сдавался, продолжал работать и в Крыму: «Начал редактировать нашу поп[улярную] книгу с Асей [А. Л. Хорошкевич] о Грозном.⁸ А там — работа аналогичная над „Гос[ударственным] архивом”⁹ (он в 77-м также должен выйти на ротاپринте), нужно сделать указатель и пр. Впереди „Дума”.¹⁰ Родились „идеи” по переделке этого текста, но все зависит от сил. Обсуждали в Ин[ститу]те [Истории СССР АН СССР] „Финансы” [С. М.] Каштанова.¹¹ Все хорошо».

Возвращаясь к своему пребыванию в Крыму, Александр Александрович писал: «А так тоскливо в одиночестве очень. Что делать? Иногда хочется все бросить и уехать в Москву. Тут еще сложности с пропиской (1.5 мес[яца] — курортная, а там надо оформлять временную в Ялте — а ехать?). Несколько раз была жена [В. Д.] Королюка (она до 12/XII в Семеизе)».

В поздравительной новогодней открытке с изображением красот Фороса, отправленной 21 декабря 1976 г., вместе с добрыми пожеланиями А. А. Зимин сообщал, что погода в Крыму «дивная». «Солнышко. От 6–12° тепла», что к нему приехал его «старый друг (75 лет) Михаил Сергеевич Баев недельки на две», что сам он занимается «Архивом», что чувствует себя «увереннее, но все же тяжело дышать и ходить».

16 апреля 1977 г. Александр Александрович писал из Москвы, что «рад был получить об Алеше добрую весточку от Вас», но что «огорчен» тем, что «не удалось повидаться». Поскольку в письме Алексея Николаевича сообщалось о поездке в Италию, А. А. Зимин высказывал надежду на то, что «в скором времени» мы побываем в столице («раз уже Алеша посетил Вечный город), и мы обо всем поболтаем». Он писал, что его «Монастырь» (т. е. монография «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.)» (М., 1977)) «уже в сигнале — так что

должен скоро выйти». В основе новой книги А. А. Зимина лежала его кандидатская диссертация «Землевладение и хозяйство Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XV—начале XVI в.», защищенная им еще в 1947 г. Поэтому понятны его слова: «Никакой радости от этого не испытываю — книга безнадежно устарела (1947 год!)». В этом было и строгое отношение к своим работам, и некоторое преувеличение. Основанная на архивных материалах и написанная на должном научном уровне книга сохранила свою ценность и до настоящего времени.

А. А. Зимин сообщал о работе, начатой после возвращения из Фороса: «В Москве занимаюсь всякой ерундой — главным образом перепечатаваю то, что было написано от руки». За этой короткой фразой стоит очень многое. Сознавая, что он смертельно болен, Александр Александрович, сколько хватало сил, приводил в порядок свои рукописи. Уже после его кончины вышли в свет монографии: в 1982 г. — «Россия на рубеже XV—XVI столетий», в 1986 г. — «В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России», в 1988 г. — «Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI в.», в 1991 г. — «Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.». До сих пор остаются неизданными полностью монография о «Слове о полку Игореве», книга воспоминаний.

Все это будет много позже. Пока же А. А. Зимин писал: «Началась работа (перепечатка) по подготовке „Архива“ на ротапринте. Если все будет в порядке, книга должна выйти месяца через три–четыре. „Думу“ я свою завершил черне в Форосе. Опять вопрос — а кто же перепечатает? И когда?».

С беспокойством писал он об институтских делах: «У нас в Институте болото. Лев [Л. В. Черепнин] в больнице (как будто к маю выберется в Узкое) — состояние среднее. Не знаю, что с ним будет дальше... В секторе работа утихла (без Льва). Каштан [С. М. Каштанов] еще не вошел в колею после отпуска (в январе был в Кисловодске)».

Беспокойство Александра Александровича о здоровье Л. В. Черепнина не было напрасным. Л. В. Черепнин действительно «перебрался» в «Узкое», но там его вскоре настиг инсульт, он был отправлен в больницу, где и скончался 12 июня 1977 г. Писал А. А. Зимин и о домашних делах. О состоянии здоровья хворавшего сына Сережи. Радовался за дочь Наташу: «Лучше всех живут Наташа с семейством. Она должна сдавать в июне месяце минимум. У них в Институте [историко-архивном] перемены к лучшему — ректором стал ... Красавченко (ученик П. А. Зай[ончковского]), но что ему удастся сделать, не ясно».

Кончалось письмо словами: «Но обо всем не напишешь — хотелось бы поговорить, в частности о Милочкиной работе». 19 ноября 1977 г. Александр Александрович писал из Крыма, что вместе с Валентиной Григорьевной и Сережей находится в Форосе, куда они прибыли 9 ноября. Радовался тому, что устроились «идеально», что в Крыму тепло («не менее 14–16°»), «снабжение прекрасное». После фразы «о здоровье не пишу — мне бы сохранить то, что осталось...», он переходил к рассказу, над чем в Крыму будет работать: «Взял с собой материалы (страниц 200 выписок на машинке) к книге „Юрьев день“ (1573–1598) (осенью закончил «Возрожденную Россию» — 1480–1505). Но как все это получится (книг нет — кое-что пришлю) — во всяком случае какой-то „скелет“ попытаюсь соорудить». В конце письма спрашивал: «А как Ваши дела?» и затем добавлял: — «Рад, что книга Алеши уже на выходе (мой Архив не ранее января–февраля). Надеюсь, что обсуждение Милиной книги пройдет успешно. Желаю ей всего доброго». Книга Алексея Николаевича «Борьба течений в русской историографии во второй

половине XIX века» через несколько дней после получения письма 1 декабря 1977 г. была подписана к печати.

5 января 1978 г. в ответ на наше новогоднее послание Александр Александрович писал, что благодарит за «дружеские поздравления и обстоятельные письма». Добавлял, что «нотки грусти» ему «сейчас особенно понятны», так как в Крыму «остался в одиночестве, а впереди „полсрока“, целых два месяца». Часть письма занимало описание зимы в Крыму: «Она здесь необычная, зима. Прежде всего — зелень — и вечно зеленая, и травка, и цветы. И чистота идеальная. Погода — разная. Как правило, серая, но теплая. Иногда моросит дождик. Иногда (редко) день-два от силы дуют ветры. t в среднем около +6 +8° (в январе). Сырость почти не чувствуется (почва жадно впитывает влагу). Иногда горы покрываются желтым туманом. Снега практически пока не было (один день) в декабре, в прошлом году всего дня три. Но что характерно — погода все время меняется (на дню иногда раза три). Занудности нет. Караваны бакланов и гусят. В парке — белочки, всякая птичь, золотые рыбки — и причудливые кедры, пихты, сосны; как заколдованные великаны. Вот очень сумбурно о зиме». Письмо заканчивалось просьбой, чтобы мы писали и не забывали «форосского заточника».

В январе 1978 г. А. А. Зимин, видимо, получив в Форосе бандероль с книгой Алексея Николаевича, послал письмо такого содержания: «Дорогой Алеша! От всей души поздравляю Вас с выходом в свет прекрасной книги. Благодарю Вас также за дружескую память. Ваша книга свидетельствует о серьезных сдвигах в лучшую сторону в нашей историографии. В чем ее значение? Впервые в нашей науке ученые-историки прошлого столетия заговорили своими словами, а не формулами их почтенных истолкователей. Это очень большое дело. Прокурорский тон изложения постепенно заменяется голосом обвиняемых, но заслуживающих снисхождения. Впервые в науке сделана попытка показать динамику развития взглядов представителей различных школ и направлений (особенно в середине XIX в.) в отличие от принятого рассмотрения „в общем и целом“ (у Вас же становление и развитие взглядов). Впервые показаны не отдельные теории и школы, а их содружество (или противоборство) в реальной умственной жизни страны. Их взаимовлияние и взаимоотталкивание. Наконец, впервые взгляды мы можем проследить не по каноническим трудам историков, а рассыпанные подчас в „мелких“ статьях, переписке и т. п., т[ак] ч[то] это также очень важно. В книге есть и недочеты. Вы их знаете, мы о них говорили. Но... что поделаешь, такова жизнь. Важно, что сделано. А дальнейшее — пусть придут те, кто смогут сделать лучше, мы этому будем только рады».

Выше уже говорилось, что рукопись, а затем и корректура книги были посланы на дополнительное рецензирование. В обоих случаях рецензентом был профессор Московского университета А. М. Сахаров. Оба его отзыва, хотя и содержали критические замечания, однако, вопреки ожиданиям недоброжелателей, положительно оценивали книгу и поддерживали предложение о ее рекомендации к печати. А. А. Зимин прочел корректуру книги, и некоторые наиболее существенные его суждения были учтены Алексеем Николаевичем.

После слов «еще раз горячо поздравляю» Александр Александрович писал о себе: «Я тоскую. Считаю дни и недели до возвращения. Здесь холоднее, чем в прошлом году. Стараюсь терпеть. Немного занимаюсь Борисом [Годуновым] — все очень трудно». В конце письма задавал вопрос: «Как с защитой перспективы?» и просил «передать поклон Милочке».

В начале лета 1978 г. (точной даты нет) А. А. Зимин сообщал, что в июне он и его близкие собираются ехать на дачу и просил навести в архивах и в библиотеках справки, необходимые в связи с подготовкой очередного тома «Актов Русского государства».

В письме, отправленном из Москвы 7 октября 1978 г., есть такие строки: «Дорогая Милочка! Рад Вашим успехам. Огорчаюсь Вашими печальями. Все-таки хорошо, что книга идет, а А. Н. двигается к защите». Книгой, «движению» которой радовался А. А. Зимин, был переработанный и расширенный вариант моей кандидатской диссертации о землевладении московского Симонова монастыря.

Коротко он информировал о домашних делах: о здоровье Сережи, о сложностях на работе (в рукописном отделе Гос. Библиотеки им. Ленина) у В. Г. Зиминной. Утешением для А. А. было то, что «Наташа и Володя процветают».

Переходя к делам академическим, А. А. Зимин после фразы «В секторе все спокойно» продолжал с ноткой явной тревоги: «Изредка посещают ленинградцы. Огорчен побойщем в Ростове. Мне на „свободу” землевладения наплевать, но вот за ЛОИИ боюсь». Под «погромом в Ростове» он имел в виду жаркие споры, разгоревшиеся на происходившей в Ростове на Дону XVII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории в сентябре 1978 г.¹² На одной из секций был представлен написанный научными сотрудниками ЛОИИ Ю. Г. Алексеевым, А. И. Копаневым и Н. Е. Носовым доклад, в котором они доказывали, что «черная земля» является «свободной крестьянской собственностью», а «черные крестьяне» — «свободными частными земельными собственниками». При этом феодализм признавался «только как частновладельческий». Эта точка зрения встретила резкие возражения со стороны ряда участников симпозиума, главным образом московских историков (А. Д. Горского и др.).¹³ Опасения А. А. Зимина за судьбу ЛОИИ можно объяснить тем, что и в 1978 г. между директором Института истории СССР А. Л. Нарочницким и ЛОИИ по-прежнему сохранялись напряженные отношения.

Рассказ о собственной работе Александр Александрович начинал со слов «толком ничего не делаю», но уже из продолжения первой фразы было видно, что на самом деле он готовит сразу несколько монографий: «редактирую написанное (книга о Думе — сдал в сектор — Ивана III и Бориса). Думаю (по просьбе-предложению В. Т. П[ашу]то) заняться Русской правдой».¹⁴

С оттенком добродушия писал он об общих знакомых: «[С. М.] Каштан[ов] дремлет. Аська [А. Л. Хорошкевич] суетится. У обоих книги в Из[дательств]е».

31 октября 1978 г. А. А. Зимин извещал: «Оба письма получил». В этих письмах содержались ответы на вопросы, относившиеся к документам, которые хранились в архивах и библиотеках Ленинграда. Александр Александрович просил уточнить детали, касавшиеся Каменских «Н. М. или С. М.» и интересовался, от кого поступил в Публичную библиотеку фонд 333 (Каменского), «не от А. А. Закревского ли?». Он также сообщал, что «вопрос о нашем отъезде в Форос решен» и добавлял: — «И погода непонятная, и боязно, и сейчас плохо с почками...». Post scriptum поздравлял нас с наступающими октябрьскими праздниками.

Весной 1979 г. вышла в свет моя книга «Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», которую я тотчас отослала А. А. Зимину, и он поспешил с ответом: «От души поздравляю Вас с выходом в свет превосходной книги. Благодарю и за дружеское внимание. В книге много привлекательных идей. В нее заложен, прежде

всего, огромный труд, окрашенный жадной познания и любовью к своему детищу. Умная и интересная генеральная мысль в книге соседствует со множеством конкретных наблюдений, которые всем специалистам будут очень полезны. Ну, что и говорить — Вы — молодец. Милочка! Желаю Вам новых таких же успехов. Только вперед!». После вопроса: «Как Ваша жизнь?» — Александр Александрович замечал: «У нас она складывается трудно, да Вы это прекрасно знаете... Я стараюсь держаться, хотя это трудно. Работаю, пока есть силы».

Последняя фраза передает мужество А. А. Зиминова, не прекращавшего работу, несмотря на смертельную болезнь, до последних дней и минут. До его кончины оставалось меньше года.

В письме, отправленном из Москвы 9 октября 1979 г., он поздравлял Алексея Николаевича: «Дорогой Алеша! От всей души поздравляю Вас с завершением хлопот по „степени“. И через это надо было, — увы! — пройти. Хорошо уже [то], что подобные формальности не будут повторяться...». Помимо известия об утверждении в ученой степени доктора исторических наук Алексей Николаевич писал А. А. Зимину о своей новой монографии. Первоначально он предполагал написать книгу о С. Ф. Платонове, однако в ходе рассмотрения планов в ЛОИИ и в дирекции Института российской истории РАН была утверждена более широкая тема: «Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки». Александр Александрович по этому поводу отмечал: «Тема Вашей следующей работы, конечно, очень интересна. Думаю, что Вы нашли верный ключ к ней («Очерки», т. е. широкое название и конкретное, более узкое содержание). Тема интересна уже тем, что она имеет в основе архивную базу (Платонов и, думаю, кое-что еще из московских архивов — Любавский, Богословский и пр.) и может быть по-новому освещена». Далее Александр Александрович писал, что «лето прошло не лето», о здоровье сына Сережи, о том, что «с Форосом неясно». Вновь сообщал о работе и о планах: «Занимался много Василием I — подробнее при встрече. Обсуждалась в секторе плановая работа о „Думе“. Прошло скучно, но и это необходимо». Обращаясь к домашним делам: «Наташино семейство более или менее. Аленка пошла в школу. Рисует слегка (в кружке в доме пионеров). Валя [В. Г. Зиминова] написала для „Записок“ [Отдела рукописей ГБЛ] обзор фонда Каменских».

В письме, отправленном из Москвы 2 ноября 1979 г., А. А. Зимин вновь поздравлял Алексея Николаевича с утверждением в ВАКе: «От всей души поздравляю с завершением затянувшихся формальных хлопот». То, что А. А. возвращался к завершению «хлопот» с диссертацией, можно объяснить тем, что он внимательно следил за сложностями, которыми сопровождалось издание книги. Кроме упомянутого выше А. М. Сахарова и самого А. А. Зиминова в Москве очень помогли В. И. Буганов, в то время заместитель директора Института истории СССР АН СССР, А. М. Иванов и Покровский, работавшие в издательском отделе, в Ленинграде — Б. В. Ананьич, являвшийся ответственным редактором книги, Н. Е. Носов, возглавлявший ЛОИИ, Р. Ш. Ганелин, заведовавший группой истории СССР периода капитализма, В. М. Панеях и Е. К. Пиотровская, представлявшие ЛОИИ в Ленинградском отделении издательства «Наука», заведующий редакцией Ленинградского отделения издательства «Наука» Е. П. Сидоренко, заместитель директора Ленинградского отделения издательства «Наука» А. А. Коссой.

Продолжая письмо, Александр Александрович восклицал: «Как быстро течет время!». Это было вызвано тем, что у него сложилось ошибочное впечатление о сроках

написания новой книги Алексея Николаевича. «Неужели же Вы заканчиваете книгу на будущий год?» — спрашивал он и дальше комментировал письмо Алексея Николаевича, в котором тот писал о замысле книги, впоследствии вышедшей в свет под названием «Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки» (Л., 1986). А. А. Зимин, всегда уделявший большое внимание историографии, писал: «Занимаясь своим „Витязем на распутье“, я возвращаюсь к монографии — и в диком восторге от Карамзина. Это, конечно, вместе с В[асилием] Ос[иповичем] К[лючевским] — вершина историографии (Пушкин нашей науки). Да, в конкретике Полевой его кусал здорово (в частности и в Шемякином деле), но он же Моська по сравнению с Н. М. [Карамзиным]! Дело не в „концепции“, а в том, что Н. М. К[арамзин] осмеливался судить историю и при этом с точки зрения моральной. Пусть не всегда (увы, все мы люди), но все же». О своих делах он сообщал: «У нас все средненько. Прихварываю. Мечтаю (если Бог даст силы) где-то около 9–10 ноября отплыть в Форос. Валя [В. Г. Зиминой] очень устала: написала обзор фонда Каменских для „Записок“ [Отдел рукописей ГБЛ]». В связи с работой В. Г. Зиминой над этим «Обзором» А. А. Зимин просил навести ряд справок в ленинградских архивах.

После перечня номеров и дел, которые необходимо было проверить, он возвращался к домашним и служебным делам: «Дома блаженствуют только Козловы (дочь Наташа, ее муж Владимир Петрович. — *Л. И.*), хотя Аленка (внучка. — *Л. И.*) не всегда собрана на занятиях в школе. В Институте все ждут перемены. Я написал (вчерне) своего „Витязя на распутье“. Что дальше? Не знаю, м[ожет] б[ыть] Василий I. Вот пока и все. Крепко жму руку. Поклон Милочке. Ваш А. Зимин». 28 ноября 1979 г. Александр Александрович отправил открытку с известием, что он и Валентина Григорьевна «с запозданием, но все же... выбрались в Форос».

К новому 1980 г. мы получили новогодние поздравления, отправленные из Москвы. После добрых пожеланий и сведений о состоянии здоровья самого Александра Александровича, Валентины Григорьевны, Сережи и внучки Аленки, которая «прихворнула (грипп)», в письме сообщалось: «После Вас[илия] Темн[ого] сделал себе перерыв — кое-что редактирую и пр. Сижу сиднем дома, принимаю уйму лекарств. Как ваши дела? Не забывайте. Пишите. Ваш А. Зимин».

Последнее письмо Александра Александровича Зиминой, обращенное к Алексею Николаевичу: «Дорогой Алеша! Спасибо за дружескую помощь. Все Ваши материалы нужны Вале [В. Г. Зиминой] для обзора, который д[олжен] б[ыть] напечатан в „Записках“ О[тдела] Р[укописей]. О фонде 333 интересно было бы узнать две вещи: 1) когда поступил в ГПБ (и откуда), 2) когда образован и кем (очевидно А. А. Закревским после смерти Н. М. [Каменского]). Жизнь у нас не сладкая. Болезнь делает свое дело (все-таки — не Форос). Лечусь. Двигаюсь с трудом и т. п. Желая Вам всего лучшего. Поклон Милочке. Ваш А. З.».

В Ленинград его последнее письмо пришло 20 февраля. Письмо датировано 15 февраля 1980 г. Жить ему оставалось ровно 10 дней. 25 февраля 1980 г. А. А. Зиминой не стало. Конверт, который оказался под рукой Александра Александровича, был с новогодним поздравлением и изображением празднично наряженной елки, окруженной ярким сиянием.

Как видим, А. А. Зимин не напрасно написал в одном из ранее упомянутых писем: «Работаю, пока есть силы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О А. А. Зимине см.: *Каштанов С. М., Чернобаев А. А.* «Ученый с мировым именем»: А. А. Зимин // *Историки России XVIII–XX веков.* М., 1998. Вып. 5. С. 133–148; *Кобрин В. Б.* Александр Александрович Зимин // *Историческая наука России в XX веке.* М., 1997. С. 353–368.

² Более подробно точку зрения А. А. Зимина по поводу этой дискуссии см.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 37–38.

³ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 2: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого Русского государства. М., 1966.

⁴ Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания Слова о полку Игореве / Отв. ред. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. М.; Л., 1966.

⁵ Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве» // *Русская литература.* 1966. № 2. С. 60–74.

⁶ Впоследствии по теме диссертации А. И. Копанев издал монографии: *Крестьянство русского Севера в XVI в.* (Л., 1978); *Крестьяне русского Севера в XVII в.* (Л., 1984).

⁷ Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Редкол.: А. А. Новосельский, Л. В. Черепнин (отв. редакторы), И. А. Булыгин, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, С. И. Котков; Сост. акад. С. Б. Веселовский. Доп. и подгот. к печати Р. В. Бахтурина, И. А. Булыгин, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов, Л. З. Мильготина, В. Д. Назаров, Л. А. Никитина. М., 1975.

⁸ *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

⁹ *Зимин А. А.* Государственный архив XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. Кн. 1–3. (Ротапринт).

¹⁰ А. А. Зимин имел в виду задуманную им монографию, которая впоследствии вышла под названием «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.» (М., 1988).

¹¹ *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.

¹² *Тюрина А. П.* Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: XVII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории в Ростове на Дону // *История СССР.* 1979. № 2. С. 214–218.

¹³ Там же. С. 218.

¹⁴ *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.